

CONTENTS

Articles

<i>V. Krasnov.</i> The Industrial Despotism.....	5
<i>Zdenek Mlynar.</i> Crisis of Political System in Eastern Europe and the USSR in the 80-ies	43
<i>Gil Martine.</i> Future Began 20 Years Ago	62
<i>Roman Szporluk.</i> Defining "Central Europe": Power, Politics and Culture	74
<i>Mecislav Maneli.</i> Juridical Positivism and Philosophy of Law in Poland	87
<i>Karel Kaplan.</i> Stalin and Comecon	113
<i>Lubomir Sochor.</i> Kautsky and Bolshevism	131
<i>Zdenek Hejzlar.</i> The Polish Events and the Prague Spring	138
<i>Miroslav Novak.</i> The Parallel Structures and Reform Communism	144
<i>Mihajlo Mihajlov.</i> The Third Yugoslavia	148

Nationality Question

<i>Frantisek Silnitsky.</i> Nationality Program of CPSU	155
<i>Maksudov.</i> Analysis of Nationality Structure of the Red Army According to the Census of 1920	169

Our Archive

<i>Karl Kautsky.</i> Communists at Work	181
<i>L. Sternberg.</i> "Inorodtsy" (Ethnic minorities)	225

Documents

<i>V.I. Lenin.</i> Kautsky – the Renegade	270
New Polish Document	272

About the Authors	274
-------------------------	-----

СТАТЬИ

В. Краснов

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ДЕСПОТИЯ *

Из предисловия:

... В новых советских условиях опять начал употребляться термин "легальный марксизм". Для того, чтобы протолкнуть свое произведение в печать и избежать ловушек цензуры, автор вынужден идти на массу уловок и компромиссов. Политическая мысль выступает часто в мистифицированной форме. Марксистские категории заменяются иными, более расплывчатыми и менее опасными. Много, очень много о современности приходится вычитывать в книгах о прошлом. Искусствоведческие труды порой должны заменять работы по социологии.

"Легальный марксизм" начала XX века, возникший отчасти под опекой царской цензуры, видевшей в нем новейшее средство для борьбы с революционным народничеством, был осужден Лениным. Новый "легальный марксизм" заслуживает всякой поддержки. Недогматически мыслящие историки, искусствоведы, социологи и экономисты дают хоть какие-то опоры в нашем идеологическом болоте. Честная книга, даже изуродованная цензором, все же

* Глава из книги "Диалектика надежды", Москва, Самиздат, 1980 г. Печатается без ведома автора. – *Ред.*

подобна глотку свежего воздуха для человека, задыхающегося в застойной атмосфере бюрократического государства. ...

Наша страна — это не только молчание и ложь. Это и бесконечные споры, поиски, дискуссии. И найденное не должно пропасть. Среди всеобщего молчания одинокие протестующие голоса звучат особенно громко. Может быть, они кого-то разбудят. Непременно должны разбудить. ...

Но, во всяком случае, мысль должна быть высказана, а слово записано. То, что занесено на бумагу, не исчезнет, несмотря на любые запреты и преследования. Как в замечательном афоризме М. Булгакова, сделавшемся девизом самиздата: "Рукописи не горят!"

* * *

То, что неизбежно должно случиться, рано или поздно случается. Эта тавтология лучше всего суммирует трагизм русского общества 20-х годов. После подавления кронштадтского мятежа установление прямой "термидорианской" диктатуры бюрократов было лишь делом времени. ...

Троцкий и его сподвижники выступили против этого первыми, но безо всякой надежды на успех. Блистательно критикуя огосударствление партии и связанную с этим бюрократическую деградацию советской республики, они не сумели противопоставить ей реальной положительной программы. Апеллируя к рабочему классу, они не могли предложить ему что-либо конкретное, способное вызвать его на решительную борьбу. В условиях, когда масса рабочих уже порядком устала от революции, не принесшей ожидаемых благ, ультрареволюционные призывы троцкистов были наилучшим способом подрыва собственного авторитета. В то же время сам Троцкий косвенно признавал, что про-

летариат вообще не был тогда способен самостоятельно избавиться от бюрократов.

"Я утверждаю, — говорил он, — что бюрократизация аппарата вытекает из глубоких социальных причин, что основным источником бюрократизации является государственный аппарат, в котором сочетаются и трения и соглашения классов, и некультурность широких масс трудящихся и даже самого рабочего класса".¹

Пока рабочий класс не достиг определенного уровня культуры, обходиться без бюрократии он не сможет. Троцкий сумел противопоставить бюрократии несколько общих фраз и ряд практических предложений... , которые позднее были отлично осуществлены самой бюрократией.

В этом нет ничего случайного. Трудно сказать, как реализовались бы проекты Троцкого, если бы у власти был он сам. Здесь гадать невозможно. Важно другое. Страна находилась в состоянии глубочайшего хозяйственного кризиса. Новая экономическая модель работала плохо. Особенно печально обстояли дела в государственном секторе. Неправильная организация сбыта приводила к затовариванию, в то время как многих нужных предметов не хватало. Это, впрочем, станет своего рода хроническим родовым недугом советской экономики. Расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары было столь велико, что резко усилилось колебание курса рубля, падала его ценность. Громоздкий аппарат управления был малоэффективен. Производительность труда и заработная плата рабочих были ниже довоенного уровня. Хотя крестьяне и нуждались в целом ряде промышленных товаров, которых, кстати, производилось сравнительно много, купить их было невозможно — цены были невероятно высоки. Продолжала существовать и безработица. Материальное положение трудящихся ухудшалось. Кое-где бастовали.

В таком виде была экономика к моменту смерти Ленина, когда резко обострилась борьба группировок внутри партии. Что представлял собой "рабочий класс" после революции и как велось управление производством, хорошо видно из рассказа Брандлера. Однажды Пятаков предложил ему поехать вместе

инспектировать шахты. Брандлер согласился. Глубина шахт была 600 м, а рабочие набирались из крестьян. Директор предприятия заявил, что крестьян нельзя посылать под землю, они переломают все оборудование. Он сослался на то, что подобный опыт уже имел место во время промышленной революции в Англии. Органы безопасности тотчас же арестовали директора за то, что он сравнил эпоху капиталистического накопления со строительством социализма. Как и следовало ожидать, мужики переломали в шахте все, что можно, в том числе и дорогие современные машины.

”Пятаков был в ярости, — пишет Брандлер, — ‘Идиоты! Варвары! Невезжды! Мы даже сами не знаем, с какой дикой нацией мы сделали революцию.’ Когда мы прибыли на шахту, мы, конечно, тотчас освободили директора. Но Пятаков обратился к нему примерно так: ‘Вы были правы, однако, мы даем вам шесть месяцев, чтобы навести здесь порядок. Если вам это не удастся, вы отправитесь назад в тюрьму.’”²

Брандлер считает, что Пятаков был прав, ибо иначе тогда руководить русскими было невозможно.

На повестке дня стояло не только восстановление, но и реорганизация экономики. Создание коллективного сельского хозяйства и современной индустрии. Именем цивилизации пришли большевики к власти и ныне они должны были осуществить главную задачу, которая им была поставлена историей. Или Россия преобразуется в промышленную державу, или она обречена. Капиталистический путь индустриализации был невозможен. Он оказался бесперспективным еще до революции 1917 года. ...

Оставался некапиталистический путь. В этом сходились Троцкий, возглавляющий левых, и Бухарин, которого называли ”правым”, но который, в сущности, был центристом; и правое, бюрократическое крыло во главе со Сталиным. Вопрос был в том, какими путями и методами может быть проведена индустриализация. И здесь Троцкий не предложил никакого принципиально антибюрократического решения. Его программа радикальных реформ могла быть осуществлена только деспотическими методами военно-бюрократической диктатуры или вооб-

ще остаться лишь на бумаге. Поэтому Сталин и К^о впоследствии взяли на вооружение идеи Троцкого.

Иным было положение Бухарина и его группы. Они, пожалуй, могли бы обеспечить для России небюрократический путь развития. Программа Бухарина предусматривала постепенное, но глубокое изменение всей социально-экономической структуры. При помощи налогов и политики цен (”дани”) в городе должен был создаться более высокий уровень жизни, чем в деревне, что привело бы к переходу наиболее подвижных и энергичных элементов крестьянства в рабочий класс. Одновременно предполагалось, развивая легкую промышленность, получить дополнительные капиталы, которые можно было использовать для создания тяжелой индустрии. В сельском хозяйстве понемногу должна была проводиться кооперация в соответствии с предложениями Ленина. В целом, если Троцкий, а затем Сталин, ориентировались на, своего рода, ”большой скачок”, то Бухарин понимал, что гораздо надежнее, если экономика будет набирать темпы по мере накопления сил и ресурсов.

В то же время Бухарин надеялся, что вместе с возрождением и ростом рабочего класса удастся развернуть программу промышленной демократии на заводах, которая была уже в основных чертах разработана. Так у бюрократии была бы выбита почва из-под ног.

Национальной буржуазии отводилась в этом плане роль ”второго эшелона”, дополнительного источника экономического роста. Если Троцкий возлагал надежды на мировой пролетариат, то Бухарин предпочитал рассчитывать на собственные силы. Его идея ”социализма в одной стране” выглядела теоретически не вполне убедительно, однако вряд ли можно забыть, в каких условиях она возникла. Бухарин имел смелость констатировать простейший и очевидный факт: мировая революция, на которую надеялись большевики, не произошла, капитализм пережил кризис и вступил в полосу относительной стабилизации. Почему так случилось, вряд ли мог ответить кто-либо из большевиков. ”Коммунистический Интернационал”, призванный заменить обанкротившийся международный союз социал-демократии, рос не слишком быстро и явно не мог побороть влияние ”оппортунистов” в рабочем движении. Это с точки зрения чистой теории понять трудно. Здесь играли свою роль многие фак-

торы, в том числе, не в последнюю очередь — недоверие демократического рабочего класса Запада к опыту русского коммунизма. Рабочие мира приглядывались к развитию событий в СССР, но не спешили повторять русский эксперимент у себя. В нем было много сомнительного.

Коминтерн, напротив, с самого начала ориентировался на русскую модель как на свой идеал. Поэтому, когда Троцкий делал ставку на мировую перманентную революцию, которая может ликвидировать бюрократические и "азиатские" черты советского государства, он явно заблуждался. Заграничные компартии собирались вовсе не "исправлять" и "улучшать" Советскую Россию, а лишь воспроизвести ее где-нибудь на Западе. Согласно взглядам "левой оппозиции" судьба русской революции в конечном счете зависела от мирового пролетариата. Так было в 1905 и 1917 годах. И изоляция России во время гражданской войны была зловещим симптомом. Но советская власть выстояла. Ее разутые и полуголодные солдаты победили армии белых генералов. И тем не менее исход революции был еще не вполне ясен. Теперь от событий в России зависело будущее коммунистического движения. Весь мир следил за Россией со страхом или надеждой. Таким образом, зависимость была не та, о которой думал Троцкий, а как раз обратная. Поэтому лозунг бухаринцев — "социализм в одной стране", — при всей его теоретической слабости и опасной националистической тенденции, все же был очень своевременным.

Сейчас мы знаем, как мало было шансов у Бухарина, не говоря уже о Троцком: все ключевые позиции уже занимала бюрократия. Но все же в истории нет однокорейной дороги, в ней всегда есть моменты альтернативы. Такой момент был и в 20-е годы. Конечно, борьба была неравная, и победа Бухарина оказалась бы чудом. Впрочем, вряд ли можно было бы заранее исключить всякую возможность успеха. Чудеса в истории случаются крайне редко, но все же случаются. Мы не привыкли их замечать, нам куда легче обнаружить упущенные возможности, чем понять, как трудно было реализовать использованные. Несмотря на почти безнадежное положение, Бухарин все же мог бороться за спасение революции.

В руках у бухаринской фракции были важные посты в государстве, в профсоюзах, в партии. Но старые большевики не уме-

ли вести борьбу в новых условиях. Они привыкли решать дела в открытой полемике большинством голосов. Бюрократия же действовала путем интриг и закулисных перестановок, в которых люди революционного типа ничего не смыслили. Новые правила игры были для них непонятны. Понемногу и Бухарин и даже Троцкий превращались в марионетки в руках Сталина, который удалял одних противников при помощи других. Допустив разгром левых, Бухарин подготовил собственное поражение. Настал час Сталина.

Хорошо известно, что у Сталина не было своей программы. Он комбинировал чужие идеи, переосмысливал их и использовал в соответствии с нуждами бюрократии. Если Троцкий и Бухарин были людьми блестящими, талантливыми, популярными, то Сталин во всех воспоминаниях выглядит личностью крайне бесцветной, неоригинальной. Однако, не в этом нужно искать причины того удивительного политико-теоретического эклектицизма, которым отличались позиции его фракции. Конечно, прав Г. Водолазов, когда замечает, что

"... в условиях, когда правительство неподконтрольно народу, немалое влияние на форму власти могут оказывать черты характера стоящих на верху общественной лестницы".³

Но это скорее относится к Троцкому, Зиновьеву, Бухарину времен их возвышения. Сталин выглядит в исторической литературе человеком без индивидуальности, машиной для захвата власти, без принципов, без идей, без идеалов.

Если Ленин и другие большевистские лидеры были людьми европейски образованными, знавшими языки, подолгу жившими за границей, то Сталин был совершенно чужд этому "космополитизму", он был невероятно провинциален.

"Различия можно обнаружить также и в стиле, — писал западногерманский исследователь В. Леонард, — в работах Маркса, Энгельса и Ленина мы встречаем живую и часто чрезмерно резкую полемику. Сталин излагал свою доктрину в простых предложениях, при помощи коротких вопросов, на которые он затем, постоянно повторяясь, отвечал".⁴

Партия сравнивается с армией, государство с машиной, вожди с титанами и т.д. и т.п. Стиль безлик, мысль зачастую бессодержательна.

Такой человек был образцовым лидером для бюрократии. Сам Сталин был замечательным чиновником, его обезличенность вполне типична для этого класса. Собственно, и сталинская фракция не похожа на все остальные. Это даже не фракция, а просто организованный под его руководством партийный аппарат, который может по указанию начальства поддерживать Зиновьева против Троцкого, Бухарина против Зиновьева, а затем сожрать и самого Бухарина. Аппарат анонимен, не имеет индивидуальности и безответственен, потому что он может совершить любую переориентацию без всякого труда. Он может быть левым, правым, центристским. Но он работает в конечном счете на себя, а не на тех, за кем он следует. Ленин напоминал, что нужна бюрократия для политики, а не наоборот. Но наступит момент, когда бюрократия решается окончательно и бесповоротно подчинить себе политику.

Сталину не нужно было создавать своей теории. Как бюрократия наследовала учреждения и организации, возникшие в революции, так и Сталин использовал уже готовый теоретический материал, созданный революционными лидерами. Бюрократия начисто лишена духовной инициативы. Она не может ничего создавать, она может только использовать.

Бюрократии свойственен был некий изначальный эклектицизм. Специфика ее как социальной группы состоит в том, что она формировалась непосредственно в борьбе за власть. Ее самостоятельность по отношению к обществу всегда связана с определенной властью над ним. Партийный аппарат быстро превращался в хозяина партии, срастался с государственным аппаратом. Это становление нового класса тождественно укреплению ее власти. До тех пор, пока политическое и экономическое господство не сконцентрировалось полностью в руках бюрократии, она не может стать классом. Поэтому новые хозяева страны были не в состоянии выработать свою идеологию и программу заранее. Для этого требуется известное предварительное развитие и организованность, чего в данном случае не было. Бюрократия оставалась эклектичной и неопределенной инертной массой, способной, однако, благодаря своей устойчивости одерживать

верх в любых столкновениях. Она не могла иметь отчетливого классового сознания, однако очень удачно перерабатывала плоды чужого.

Кто такие были советские "коммунистические" бюрократы первого призыва? Среди них было некоторое количество прежних пролетариев, ставших чиновниками и усвоивших их нравы, незначительные остатки царской администрации, не игравшие большой социальной роли, но оказавшиеся носителями психологической традиции, которая передалась их преемникам. Основную же массу составляла деклассированная мелкая буржуазия города и деревни. Все эти разнородные элементы отчасти сохраняли свои прежние идеи и мировоззрения, отчасти приспособливали их к новым условиям.

Традиционная идеология бюрократии, описанная Марксом в "Критике гегелевской философии права", в "Оправдании мозельского корреспондента" и отчасти в "Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта", была в высшей степени близка и новым хозяевам жизни. Старое мироотношение социальной группы сохранилось в изменившейся ситуации прежде всего благодаря тому, что тип деятельности советского чиновничества был тот же, что и царского. Методы управления не изменились, да и не могли измениться, ибо социалистическую реорганизацию в этой области осуществить не удалось из-за неразвитости масс. В результате снова, как и при царском режиме, дела решались в бюрократических канцеляриях, вдали от непосредственных исполнителей, среди гор бумаг, разнообразных справок и отношений. Этот мир канцелярий имел свои законы и он быстро подчинял им всех новичков. Коммунисты становились бюрократами, живущими не событиями дня, а реальностью официальных бумаг и отчетов, сильно от них отличающейся.

"Бюрократия, — писал еще Маркс, — считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои 'формальные' цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с 'реальными' целями. /.../ Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные. Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть *иерархия знания*. Верхи полагаются на низшие

круги во всем, что касается знания частных; низшие круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение”.⁵

Так начинает складываться форма бюрократической идеологии. Да, именно “форма”, ибо, как говорилось, бюрократия не способна сама выработать содержание, она заимствует его, затем формализует и тем самым трансформирует. Бюрократическая система — закрытая система, поэтому и общество и идеология должны быть закрытыми, это первое правило, непосредственно вытекающее из бюрократической круговой поруки. Открытая дискуссия и соответствующее государственное мышление представляется бюрократу предательством, нарушением тайны. Любая теория, в том числе и марксизм, приобретает религиозный оттенок.

“Так как этот ‘государственный формализм’ конституирует себя как действительная сила и самого себя делает своим собственным материальным содержанием, то ясно само собой, — продолжает Маркс, — что ‘бюрократия’ представляет собой сплетение практических иллюзий, или что она есть ‘иллюзия государства’; дух бюрократии есть всецело дух иезуитства, дух теологии. Бюрократы — иезуиты государства и его теологи”.⁶

В то же время мелкие буржуа сохранили, придя в государственные и партийные учреждения, свои старые симпатии и предрассудки. Они вышли из слоев, которые зачастую ненавидели “евреев и комиссаров”, всех тех, кто установил в стране советскую власть. Ныне, адаптировавшись в новой ситуации, вступающая в партию, они сами стали частью этой власти, понемногу даже ее главной опорой. Но свои предрассудки и свою ненависть к социальным группам, “делавшим революцию”, они, в измененной форме, все же сохранили. Теперь все они должны были быть “марксистами”, но это лишь формальность. Освоив азы теории, наподобие символа веры, они искали в ней прежде всего орудие для формального обоснования своей деятельности и решений. Совсем не обязательно им было специально “фальсифи-

цировать” марксизм. Просто понятий в соответствии с их ограниченным мышлением, он переставал существовать как некая целостная теория и сводился к ритуалу. Ритуал, впрочем, должен был, как и всякое священнодействие выполняться как можно строже.

Такое отношение к марксизму, утратившему свое историческое содержание, позволяло наполнять его иным, бюрократическим. Старая идеология возрождалась в новой форме. Отсталость России давала о себе знать, она брала реванш не только в экономике, но и в идеологии тех мелкобуржуазных масс, которые теперь были человеческим резервом бюрократии.

“Социальные силы, оправившиеся, наконец, после недавнего поражения, — писал итальянский философ Л. Коллетти, — шедшие на компромисс с новым революционным порядком и существенно влиявшие на его курс, были прежде всего силами, отстаивавшими традиционные национально-узкие ценности перед лицом иностранного влияния”.⁷

Эстонский публицист Й. Луига еще в 1919 году писал, что среди большевиков существует националистическое течение, заимствовавшее у народничества идею

“... ‘мессианизма’ славянской породы, которую выдвинули и развили славянофилы, которую с некоторыми оговорками принял Герцен и которую теперь наряду с неославянофилами Бердяевым, Озрном, Гершензоном, Мережковским проповедуют выдающиеся идеологи большевизма: Бухарин, Сталин, Горький. А именно они утверждают, что Россия призвана обновить мир и прежде всего принести возрождение буржуазной Западной Европе и ее прогнившей культуре. Петербург является новой Меккой и Иерусалимом, откуда целительные волны станут орошать всемирную социальную пустыню”.⁸

Хотя Горький не примкнул тогда еще к Сталину и вообще находился в оппозиции, а теория “социализма в одной стране” еще не была сформулирована, проницательный эстонец очень верно понял тенденцию развития.

Возрождение под видом "марксизма" великорусского шовинизма отмечал еще Ленин. В связи с образованием СССР эти тенденции впервые в послереволюционное время показали свою силу. Тогда Ленин выступил с резкой критикой партийно-государственного аппарата и всей государственной системы, сказав, что первое в мире государство рабочих и крестьян

"...хуже первого паровоза".⁹

Прогнозы Ленина были малообнадёживающими. Образование СССР должно было стать началом возрождения империи.

"При таких условиях, — писал Ленин, — очень естественно, что 'свобода выхода из союза', которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали как муха в молоке."¹⁰

Теория "социализма в одной стране", возникшая у Бухарина, по удачному выражению Сартра, как "теоретизация практической необходимости"¹¹ была усвоена бюрократией в совершенно ином, националистическом варианте. Старое русское мессианство, идея великой матушки Руси, идущей своей особой неповторимой дорогой, неожиданно возродилось в новом "революционном" обличье. То, что для Бухарина было трагической неизбежностью, для бюрократов стало великим благом.

Такое же сугубо националистическое значение придали бюрократы и культу Ленина, развившемуся сразу после смерти вождя революции. Обожествление начиналось еще при его жизни, но сам Ленин очень энергично этому сопротивлялся. Когда же главное препятствие для создания нового культа (в лице его объекта) исчезло, можно было говорить о великом человеке любую благонамеренную чушь, не боясь его протестов.

Новое содержание, однако, настолько не укладывалось в рамки марксизма, что понадобился и новый термин — "лени-

низм". Собственно сам этот термин возник очень давно, в период революции 1905 года, его употребляли меньшевики, прежде всего Л. Мартов — как бранное слово. Сам же Ленин никогда не считал себя основателем новой школы или нового течения в марксизме. Он весьма успешно разрабатывал целый ряд проблем теории, и в то же время был первым марксистом, попытавшимся "реализовать философию", воплотив ее в практику. Надо помнить, что условия для этого были крайне неблагоприятными.

Но бюрократия смотрела на "ленинизм" совершенно иначе. Именно там, где его практика была неразвитой, незавершенной, неудавшейся, но зато выражавшей национально-особенные черты России, она прежде всего абсолютизировалась. Поэтому по-своему прав Э. Фишер, называвший "ленинизм" марксизмом, приспособленным к нуждам слабо развитой страны, или маоисты, называющие его "русским марксизмом". Это очень мало соответствует действительному направлению ленинской мысли, но именно в таком духе переосмыслили его труды создатели нового "изма".

Впрочем и здесь бюрократия в лице Сталина и других своих лидеров не создала ничего самостоятельного. Еще в 1924 г. Бухарин говорил о том, что ученики Ленина должны свести в систему его учение, хотя сам "Ильич" никогда не пытался сделать что-либо подобное. Бухарин видел сильную сторону Ленина как марксиста в подчинении теории практике, что также было не вполне верно и, во всяком случае, не может рассматриваться как достоинство.

Пожалуй именно Бухарин больше всех сделал для подготовки новой идеологии. Если практические решения Сталин заимствовал у Троцкого, то теоретические принципы для него "поставлял" Бухарин. Вряд ли будущая жертва московских процессов имела четкое представление о том, насколько опасны могут оказаться самые отвлеченные философские построения, если в них закралась ошибка. Знаменитая книга Бухарина об историческом материализме стала основой всех позднейших советских учебников вплоть до наших дней. Теперь никто не ссылается на первоисточник, но заимствования сразу бросаются в глаза. Теоретические взгляды Бухарина были оценены Лени-

ным не очень высоко. Соответствующее место в "Письме к съезду" звучит несколько странно:

"Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)." ¹²

На первый взгляд трудно представить себе более противоречивую характеристику. Первая ее половина полностью опровергается второй. Уж не собирался ли Ленин в такой форме отмежеваться от "собственной" партии, где в "крупных теоретиках" ходят схоласты и недоучки? Во всяком случае, ясно, что философские идеи Бухарина (и наших современных учебников) вряд ли стоит принимать всерьез. Ему свойственно упрощение марксизма, сведение исторического детерминизма к механистическому и фаталистическому материализму эпохи Просвещения. Его мысль одномерна, это теория для духовно бедных и не исключено, что в этом-то и была ее сила. Ведь она не только примитивна, но и доступна. В условиях быстрого роста партии именно бухаринская версия исторического материализма быстрее всего усваивалась новообращенными марксистами и, конечно, бюрократами. Для тех, кто желал идти дальше в освоении марксистской философии, были работы Плеханова ("О роли личности в истории" и др.), тоже не лишённые известных фаталистических мотивов, но в целом дающие куда более серьезное и глубокое толкование основных вопросов, наконец для наиболее дотошных всегда была открыта возможность прочитать самого Маркса (хотя ни "Немецкой идеологии", ни "Рукописей 1844 года" тогда не знали). Поэтому старые марксисты не склонны были бояться, что теоретическая деятельность Бухарина причинит вред партии. Однако это было не так. С того момента, как его упрощенные взгляды сделались официальной доктриной, марксистская философия в России оказалась парализованной, в сущности запрещенной.

Создание "ленинизма", начатое Бухариным, шло полным ходом в течение всех 20-х годов. "Систематизация", обобщение трудов Ленина были связаны с очисткой их от всего случайно-

го. Эта задача нелегкая, особенно, если учесть, что каждый подходит к ней со своей меркой. Кому предстояло решить, что в статьях Ленина главное, а что второстепенное? Наследники великого революционера имели свои собственные интересы и идеи, поэтому многое важное они предпочитали не замечать, а незначительным мелочам придавать вселенское значение. То, что было сочтено "случайным", исчезало из "учения Ленина", остальное делалось догмой.

"Таким образом, — пишет итальянский марксист В. Джерратана в статье о происхождении сталинизма, — весь проект его преемников был с самого начала основан на мистификации". ¹³

Так получилось, что изумленному советскому обывателю предложили на выбор сразу несколько "ленинизмов". У каждого наследника была своя версия того, что главное, а что второстепенное в "учении". "Ленинизм" — это теория построения социализма в одной стране, говорили Бухарин, Сталин и последователи того и другого, изыскивая цитаты в подтверждение своей мысли. Нет, возражал им Каменев, это теория мировой революции.

"Мы должны начать, — так излагает он теорию 'ленинизма', — но окончательно победить социализм может только на пространстве ряда капиталистических и промышленных стран. Поэтому учение Ленина не есть теория о победе социализма в отдельной стране, а есть теория о том, что где бы ни началась пролетарская революция, она только тогда придет к окончательной победе, когда сумеет в свой водворот завлечь целый ряд стран". ¹⁴

Троцкий не создал своего "ленинизма", но доказывал, что так называемый "троцкизм" или "теория перманентной революции" совершенно тождественна идеям самого Ленина.

"Ленинизм" превратился в фантом, орудие фракционной борьбы внутри партии. Под видом "идей вождя" каждый пытался протащить свои собственные верные или неверные выводы, подобно средневековому философу, для которого нет ничего

страшнее оригинальности. Попытка скрыться за авторитетом понятна, каждый старался стать сильнее, чем он есть. Но результат был обратный ожидаемому. Авторитет, которым Бухарин, Каменев, Зиновьев или Троцкий пытались защититься, оказался использован против них.

Рано или поздно должен был возникнуть некий единый, общеобязательный, навязываемый при помощи постановлений Центрального комитета "ленинизм", окончательная истина в последней инстанции, не подлежащая теоретическому обжалованию. Только такая идеология приемлема для бюрократов, нуждающихся в единстве теории больше, чем в других ее достоинствах. Такая теория оформилась у Сталина в "Вопросах ленинизма". Термин "марксизм-ленинизм" был навязан партии относительно поздно (В. Леонард приводит дату — 14 декабря 1938 года) и с тех пор сделался официальным названием государственной идеологии.

Создание нового термина имело очень большое значение. Во-первых, Ленин не только канонизировался, но и приравнивался к Марксу. Во-вторых, вместо пришедшего с Запада марксизма Россия получала "свой", национально-особенный "марксизм-ленинизм", который, в свою очередь, затем можно было экспортировать на Запад. Русские социалисты, как большевики, так и меньшевики, были европеистами, они ориентировались на универсальные принципы и традицию западной культуры, частью коей и был марксизм. Новый термин заменял эту ориентацию иной — националистической. Но этот национализм был замаскирован при помощи революционной терминологии. С одной стороны, сохранялась внешняя преемственность, с другой — совершался крутой поворот.¹⁵

Канонизация Ленина, начатая сразу после его смерти, совсем не соответствовала партийной атмосфере, насаждавшейся при его жизни.

"Это противоречило, — писали Э. Фишер и Ф. Марек, — не только критическому духу марксизма, но и духу самого Ленина, о котором Рассел после посещения Москвы писал, что он еще никогда не видел выдающегося человека, столь лишенного ощущения собственной значительности".¹⁶

Для большевиков живой Ленин никогда не был безусловным и высшим авторитетом. В значительной степени благодаря его собственным усилиям, несмотря на авторитарную структуру партии, в ней царил дух свободной дискуссии. С Лениным спорили, иногда очень резко. Он был лишь первый среди равных. Он приводил в исполнение свои решения, лишь убедив большинство партии в своей правоте. Обожествляя Ленина, Зиновьев, Каменев и Бухарин ковали оружие против самих себя. Их старая полемика против "Ильича", которая в свое время была частью нормальной партийной жизни, превращалась ныне в ересь, в грех, который им никак нельзя было простить.

Сталин также неоднократно выступал против Ленина. Так было во время создания СССР в 1922 году, когда "Ильич" резко осудил сталинский проект "автономизации" национальных республик и потребовал их объединения с Россией на основе полного равенства в свободную федерацию. Раздражение Ленина против "Кобы", как звали тогда в партии Сталина, постепенно накапливавшееся в последние годы жизни, отразилось в "Письме к съезду". Ленин потребовал снять Сталина с поста генерального секретаря. Но это завещание лидера революции даже не было после его смерти обнародовано, в основном, благодаря усилиям Зиновьева, который в тот момент желал спасти Сталина как своего союзника в борьбе с Троцким (о том, что Сталин в очень скором времени расправится и с Троцким и с Зиновьевым, кроме Ленина никто не догадывался). "Письмо" было опубликовано в СССР лишь при Хрущеве (хотя неофициально его текст уже раньше был передан на Запад троцкистами), и оно сделалось мощным орудием в руках деятелей XX съезда. Таким образом, ни один из творцов "ленинизма" не избежал идеологического отлучения. Однако при жизни Сталина запрещено было упоминать о его конфликтах с "Ильичем". Да и сами эти столкновения были очень серьезными, но не самыми заметными. Поэтому "Коба" все больше предстал в глазах партии единственным верным апостолом учителя, в то время как остальные шесть членов Политбюро оказались все до единого иудами.

Поклявшись выполнять "заветы Ильича", Сталин и К⁰ спокойно игнорировали его практические рекомендации. Советский Союз формально оставался федеративным государством, но в действительности все малые республики понемногу лишались

своей самостоятельности и подчинялись политике русского национализма, проводимой Москвой. Советский Союз был задуман Лениным как альтернатива Российской империи, у Сталина же он превратился в ее обновленный вариант. Вся политическая практика нового руководства, несмотря на марксистскую терминологию постепенно перестраивается в духе традиций царского государства — в этом смысле сталинизм явление безусловно домарксистское.

Под видом "развития" марксизма Сталиным и его наследниками были навязаны обществу те самые идеи, которые Маркс и Энгельс, а также Ленин постоянно разоблачали как утопические, вредные. Государство отныне во всех наших официальных учебниках трактуется в духе вульгаризированного Гегеля, а вовсе не по Марксу. Об отмирании государства при социализме предпочитают не вспоминать. Отныне государство и прежде всего репрессивный и бюрократический аппарат объявлены важнейшими компонентами социалистического общества. А ведь именно они по Марксу и Ленину должны были отмереть в первую очередь. Вся марксистская теория государства пересмотрена. Другие важные концепции либо забыты, либо формализованы, превращены в ничего не значащий набор слов, повторяемых по поводу и без повода.

Любые попытки отстоять собственные ленинские идеи отныне караются как "ревизионизм", причем репрессиям подвергаются не только советские, но иностранные коммунисты. ...

Если в начале 20-х годов советское общество в культурно-политическом отношении оставалось открытым, то после победы сталинской фракции ситуация меняется. Связи с Западом как в сфере искусства и общественных наук, так и в экономике резко сокращаются и ставятся под контроль. Внутри страны свободная и публичная дискуссия окончательно уступает место директивным решениям, принимаемым за закрытыми дверями. Советское народное хозяйство ориентируется на замкнутое развитие.

Для экономической автаркии у России имеются немалые возможности, страна располагает материальными и людскими ресурсами для существования в изоляции. Хотя ориентация на самообеспечение всем необходимым и имеет массу неудобств, она соответствует главной цели бюрократии — укрепляет ее власть,

делает ее господство более полным, неограниченным. С другой стороны это соответствует лозунгу "социализм в одной стране". Ленин говорил, что республика Советов не может существовать среди капиталистических стран, не сотрудничая с ними, если только она не улетит на Луну. Сталин же попытался на практике осуществить вычленение СССР из мировой экономической системы. В хозяйственном отношении Россия должна была исчезнуть с лица земного шара, точно так же как остальной мир переставал существовать для России. Этот идеал "государства на Луне" практически был недостижим, но именно он вдохновлял лидеров бюрократии в 30-е годы. Известное обаяние он имеет для них и по сию пору.

Новая система управления резко отличалась от принятой в начале 20-х годов, зато приобрела цельность. Если во время революции элементы демократии и бюрократической диктатуры сосуществовали и взаимно проникали друг в друга, то в 30-е годы система делается органической, тотальной. Единство бюрократической организации заменило демократический плюрализм там, где он еще существовал.

"Монолитный аппарат власти, — писал Э. Фишер, — не терпит никакой демократии."¹⁷

Система сделалась более "целесообразной", согласно своим собственным законам, непротиворечивой. Зато она окончательно приобрела антинародный характер. Ота Шик перечислил некоторые черты этой псевдокоммунистической власти в своих работах 70-х годов. Прежде всего, господство бюрократии должно быть абсолютным, ничем не ограниченным. Эта невероятная сила правящей элиты создает у нее иллюзию, что ей подвластен не только сегодняшний день, но и вчерашний, который изменяется в соответствии с интересами правительства в официальной истории (по формуле Дж. Орвелла — прошлое принадлежит тому, кому принадлежит настоящее). Бюрократия стремится предписывать законы не только людям, но и природе. Во всяком случае, в конце 40-х годов она пыталась это делать, отменив, например, генетику. В последнем случае она неизбежно терпит поражение, что доказывает вредоносность абсолютной власти даже для самого ее носителя. Другая важная черта бюрокра-

тии это произвольная интерпретация законов и постановлений. Одна и та же политика может осуществляться на востоке страны совсем не так, как на западе. А уж прошлые решения могут трактоваться как угодно. Любое правонарушение может быть совершено в рамках легальности, ибо нет контроля за реализацией и выполнением законов в точности. Собственно на этом принципе построена вся работа репрессивного аппарата.

Бюрократ работает не в интересах и под наблюдением общества, а ради личной власти и выгоды, что влияет на характер проводимой им политики и отражается на его методах "прочтения" постановлений. Наконец, власть анонимна, а потому и безответственна. Это очень страшно. Аппарат, как правило, действует в тайне.

"Единственное правило, — пишет Х. Арндт, — которому все подчинены в странах тотального господства, состоит в том, что чем больше публичности в действиях того или иного аппарата, тем меньше у него власти".¹⁸

Поскольку бюрократ не заинтересован лично в успешном функционировании хозяйственного механизма (хотя он не стремится и к обратному, как порой кажется рабочим, выполняющим его приказы), многие решения принимаются в ущерб эффективности. Важен не результат, а отчетность.

Когда в конце 20-х, начале 30-х, укрепив свою политическую власть, Сталин начал проводить в жизнь программу "построения социализма в СССР", он взял на вооружение прежде всего социально-экономические идеи троцкистов и "левой оппозиции". Радикальные предложения Троцкого были вполне подходящими для бюрократии, стремившейся окончательно перестроить все общество в единую иерархию. Ликвидировав независимое крестьянство, она искоренила последнюю социальную группу, сохранявшую еще некоторую автономию по отношению к власти. Из разоренных и запуганных крестьян она получила покорных рабочих. Создавая мощную тяжелую индустрию, она окончательно обеспечивала независимость СССР в мировом хозяйстве. Таковы были цели индустриализации и "коллективизации". Экспроприация миллионов крестьянских хозяйств давала также и средства для строительства промышленных объектов.

Деревня должна была содержать город, крестьянин — рабочего, сельское хозяйство — промышленность. Так разобщались трудящиеся классы, совместная борьба которых в тех условиях была бы единственным способом защитить себя от новых хозяев.

За счет жесточайшей эксплуатации большей части населения, бюрократия могла осуществить стремительный рост экономики и ее частичную модернизацию. Правящий класс видел в развитии системы гарантию своего могущества и не считался ни с какими моральными и социальными издержками для обеспечения роста:

"Производство, — по словам Адорно, — превратилось в самоцель и потеряло свою цель, состоящую в реализации свободы".¹⁹

Сталинисты изображали коллективизацию как осуществление ленинского кооперативного плана. Но, во-первых, Ленин вовсе не собирался загонять крестьян в кооперативы насильственно. Во-вторых, его "кооперативы" имели с колхозами мало общего. По мысли Ленина, в кооперативе крестьянин сохранял большую часть своей социальной и хозяйственной автономии, в то время как колхозник становился рабом, подчиненным сельской бюрократии, которая, в свою очередь, выполняла приказы городской и т.д. Крестьяне даже не имели паспортов, и без разрешения начальства не могли покинуть колхоз. По существу это было второе издание русского крепостничества.

Коллективизация оказалась для русской деревни страшнее стихийного бедствия. Ее "эффект" сравним разве что с татарским нашествием в середине XIII века. Правительство развернуло самую настоящую войну против крестьянства. Армейские подразделения по всей стране подавляли бунты и запугивали мужиков. Эти события с полным правом можно назвать второй гражданской войной в СССР. Пассивное сопротивление крестьян выразилось в массовом забое скота, после которого поголовье не удавалось восстановить в течение трех десятилетий. Дезорганизация сельского хозяйства и неурожай породили настоящий голод. По большинству источников русский народ потерял в период коллективизации около 8 млн. жизней. Кроме того, еще 25 млн. мужиков вынуждены были переселиться в города и пре-

вратились в рабочих. С 30-х годов начинается обезлюдень и деградация русской деревни.

События 1929-1932 годов многократно описаны как с марксистских, так и с антикоммунистических позиций. Еще Бухарин говорил об антинародной сущности этой политики и предупреждал об ее последствиях.

”Даже если бы этой критики и не было, — писал Коллетти, — результаты коллективизации говорили бы сами за себя: непрерывный кризис советского сельского хозяйства, низкая производительность труда, по-прежнему высокий процент занятых в деревне людей и импорт зерна Россией”.²⁰

Непосредственные результаты коллективизации также не радовали. Если во второй половине 30-х годов сталинские расчеты в значительной степени стали оправдываться, то сначала новая хозяйственная система никак не желала работать. Сам Сталин вынужден был осудить методы своих чиновников, выступив со статьей ”Головокружение от успехов”.

Троцкисты, направлявшие донесения своему уже изгнанному из страны лидеру, писали о многочисленных проявлениях народного недовольства.

”Письма Троцкому, — сообщала газета ’Монд’ полвека спустя, когда его архивы были обнародованы, — рисуют чудовищную картину советской реальности в эту эпоху: невероятная миграция сельского населения, большие города вроде Харькова, лишённые электричества в течение месяцев, заводы, построенные, но не годные к эксплуатации, рабочие, отказывающиеся трудиться в ритме, непереносимом для голодных людей”.²¹

Даже среди сторонников Сталина началось брожение. Рядовые коммунисты были смущены или дезориентированы. Оппозиция активизировалась. Так в 1931-1934 годах режим сталкивается со своим первым кризисом, который мог быть использован для возврата революционных порядков в стране.

Недовольные внутри партии делали ставку на ленинградского лидера, не очень известного широким массам. Реорганизатором режима должен был стать С.М. Киров. Очевидно, смена лидера должна была повлечь за собой далеко идущие реформы, успокоить население, примирить между собой разные фракции, все еще существовавшие в ВКП(б). Для Троцкого и Бухарина это был последний шанс. Пожалуй, окажись Киров на уровне своих задач, события могли бы развернуться совсем не так, как мы знаем из истории. Но Киров не решился или не захотел вступить в открытую борьбу со Сталиным, хотя за ним стояла даже некоторая часть самой бюрократии, напуганной результатами собственной политики. Кризис не выплился в прямое столкновение власти и оппозиции, он был разрешен убийством Кирова в 1934 году.

Сталинская фракция извлекла для себя важные уроки из опыта этого кризиса. Для руководящей бюрократии стало ясно, что только решительный разгром исторической большевистской партии сделает невозможным формирование новой оппозиции в будущем. Ленинская традиция должна была быть вырвана с корнем, а ее носители уничтожены. Расправиться предстояло не только с прошлыми врагами, но и с теми, кто мог оказаться опасен в будущем. Киров был убит бывшим троцкистом, которого в свою очередь быстро убрали. Этого оказалось достаточно, чтобы начать в стране массовый антикоммунистический террор.

Тысячи честных марксистов были брошены в тюрьмы и замучены. Те, кто не был расстрелян во время московских процессов и больших чисток на местах, ссылались. Лидеры революции в соответствии с традицией царской охранки и Временного Правительства были объявлены иностранными шпионами и врагами народа. 500.000 членов ВКП(б) было убито. Среди репрессированных 70% состава ЦК, избранного в 1934 году, 60% делегатов XVII съезда, от 60 до 70% руководящих партийных кадров. Но вместе с ними расправлялись и с их семьями, друзьями, сотрудниками и просто знакомыми.

Вплоть до начала 30-х годов в партию вступала большая часть политически активных советских граждан. Поэтому, будучи важнейшим элементом системы, партия являлась в то же время наиболее опасным ее звеном. Для того, чтобы окончательно искоренить всякую возможность самостоятельности рядовых ком-

мунистов, террор должен был стать систематическим. Сталин и его приспешники уничтожили около 20 млн. человек, но среди них было лишь незначительное число настоящих противников режима. Террор задевал и своих. От него не был застрахован никто, включая сам аппарат НКВД (ныне это замечательное ведомство более известно под названием КГБ). В атмосфере всеобщего страха каждый стремился нанести удар первым. Террор оказался весьма удобным способом разрешения внутренних конфликтов внутри самой бюрократии, ее различных групп (государственной, профсоюзной, комсомольской, партийной, репрессивной, военной). Тяжелый удар был нанесен Красной Армии, потерявшей своих лучших командиров, но зато вполне подчиненной партийному аппарату. Террор служил и непрерывному разрушению социальной структуры народа. Постоянные встряски смещивали все социальные слои в одной дезорганизованной запуганной массе подданных великого тирана. Только он один был неприкосновенен, только "друг и учитель" стоял выше подозрений.

Лагеря сделались важным элементом хозяйственной системы: 4% активной рабочей силы в СССР к 1941 году находилось в системе Гулага. Иначе быть не могло. Превращение народа, совершившего революцию, в нацию рабов, возможно лишь в условиях зверского насилия властей, когда вся страна делается застенком. Бюрократическая эксплуатация трудящихся эффективна лишь тогда, когда элементы революционной социальной организации полностью разрушены или перестроены. В этом и была истинная сущность сталинского террора.

Массовые репрессии не щадили никого. Со времен татарского нашествия наша страна не знала такой жестокой власти. Никто еще нигде не обращался так с собственным населением, подобную жестокость позволяли себе лишь иностранные захватчики. 7 апреля 1935 года декрет о смертной казни распространяет эту меру наказания на детей старше 12 лет. 26 июня 1940 г. был введен порядок, согласно которому у рабочих вычитали 25% из заработной платы за 20-минутное опоздание. Все слои общества, все народы Советского Союза испытали на собственной шкуре, что такое был сталинский "порядок".

"Итак, ГУЛаг, — говорил Эллентштейн, — это система подавления, направленная против народа и против коммуни-

стов, поскольку коммунисты находятся в авангарде народа".²²

И надо признать, что террор в целом достиг своей цели. Идеологически и политически страна превратилась в кладбище. Население Советского Союза распалось на массу атомизированных и дезорганизованных тружеников и бюрократию, которая от имени государства их эксплуатирует.

Исторического рабочего класса давно уже не было и его последние традиции погибли вместе с ленинской старой гвардией. Бывшие крестьяне, пришедшие в город, были не пролетариатом, а деклассированными мужиками. У них не было своего особого революционного сознания. По сравнению с жизнью своих сородичей в полуголодной деревне, они считали себя преуспевающими. В их головы официальная пропаганда вбивала догмы сталинской идеологии. Они были уже неспособны к самоорганизации и делались послушными разобченными рабами бюрократии. Вся система оплаты труда была тоже призвана изолировать отдельного работника. В стране были многомиллионные пролетаризованные массы, но не было пролетариата.

Оседлое крестьянство, которое подверглось пролетаризации не в меньшей мере, чем новые городские рабочие, потеряло свою классовую структуру, а новая еще не сложилась. После того, как мелкие хозяйства были экспропрированы, крестьянин перестал быть собственником. Но при нем остались "приусадебные участки", привязывающие его к земле. Обнищание деревни, распад традиционных социальных, семейных, духовных связей, уход более активных молодых людей в города, — все это привело к ликвидации крестьянства как класса.

Когда 25 ноября 1936 года Сталин объявил социализм в СССР построенным, он сослался на то, что в нашей стране больше нет старых эксплуататорских классов. Это, однако, еще не доказывало, что утверждение Сталина насчет "социализма" было верным. Возникшее общество было некапиталистическим, в известном смысле даже бесклассовым. Но оно оставалось антагонистическим по своей природе.

Распад социальной структуры послереволюционной России в результате коллективизации, однако, не мог не положить начала формированию новой системы общественных связей. В первую

очередь началась перестройка бюрократической верхушки. Она шла по трем направлениям. Прежде всего, следует отметить ее консолидацию, слияние различных частей бюрократической массы воедино. Сотрудники того или иного государственного ведомства могли затем превратиться в профсоюзных руководителей, комсомольские бюрократы становились чиновниками аппарата госбезопасности и так далее. Взаимопроникновение различных бюрократических слоев сделало возможным пополнение одних групп бюрократии за счет других, что еще больше отдалило их "от низов", из которых рекрутировалась уже значительно меньшая часть бюрократов. Верхи приобрели некоторые черты закрытой касты. Внутри "бюрократической общности" горизонтальная мобильность таким образом оказалась куда выше, чем вертикальная мобильность в системе в целом. Привилегированное положение занимал высший партийный аппарат, пополнявшийся за счет остальных бюрократических организаций, ставших своего рода "сопутствующими", и за счет среднего звена партийной иерархии.

Другой важный аспект развития бюрократии это рост ее привилегий. Одной лишь монополии власти для новых хозяев было уже недостаточно. Они стремились не только распоряжаться государственной собственностью, но и получить легальные каналы присвоения части прибавочной стоимости для личного потребления. Все звери равны, но некоторые звери более равны, чем другие, — провозгласил Наполеон на "Звероферме" у Орвелла. Этот принцип должен был найти себе адекватное практическое воплощение. Оно было найдено. При Сталине бюрократы получали сверх зарплаты еще и "пакетные деньги". Затем их отменили, но все большую роль играли "закрытые распределители". Государство практически взяло правящую верхушку на содержание. Таким образом бюрократия получила возможность "выдаивать" государство, которое, в свою очередь, выжимало все соки из рабочих. ...

Бюрократы не похожи на капиталистов, но и капиталисты были не похожи на феодалов. Новый класс — новые методы, новое общество. Бюрократические хозяева понемногу стали паразитами экономики, и эта их роль выступала на первый план все больше и больше по мере того, как технические функции управления переходили к "советским менеджерам" и экспертам-про-

изводственникам. Заводы принадлежат государству, но само государство принадлежит бюрократии, причем эту свою главную добычу она ни с кем не делит.

Третье важное направление ее развития — это постепенная социальная изоляция, отрыв от народа. Хотя часть бюрократии пополнялась из числа рабочих и крестьян или интеллигентов, по мере того, как росла общая масса среднего чиновничества, увеличивалась и внутренняя замкнутость верхов. Самовоспроизводство бюрократии происходило благодаря уже отмеченной выше высокой горизонтальной мобильности, позволявшей пополнять партийную элиту за счет других частей аппарата. В результате, правда, очень медленно, начала складываться категория потомственных бюрократов. Специфика нашей системы в том, что начальник-сын никогда не будет действовать в той же области, что начальник-отец. Он развернется в смежной. Вокруг пристраиваются родственники и прихлебатели — из числа тех, кто с самого начала сделали ставку на данного конкретного деятеля. Так возникает нечто вроде сицилийско-американского мафиозного "семейства", стремящегося захватить определенное "пространство власти" вокруг себя. Если глава клана, "крестный отец", почему-либо сходит со сцены, всему "семейству" придется потесниться, но целый ряд позиций оно может сохранить. В верхних слоях стали заключаться династические браки, призванные соединить различные бюрократические кланы и тем придать им большую стабильность. Определенные родственные связи развиваются и внутри клана. Чтобы не ходить далеко за примерами, вспомним самый новый и самый знаменитый клан послесталинского периода — "днепропетровскую мафию", возглавляемую Л. Брежневым.

Вслед за бюрократией стали оформляться средние слои, без которых она не могла более существовать. Сюда относится большая масса хорошо оплачиваемых высокопоставленных экспертов, необходимая для функционирования экономики, и идеологических специалистов по созданию "правильной" и общеобязательной "марксистско-ленинской" теории — философов, историков, писателей и т.п. — или же работников пропаганды, оболванивающих народ в угоду своим хозяевам. Эти подкупленные и развращенные интеллектуалы оказались в одной компании с работниками госбезопасности, охранниками и обыкновенной при-

службой верхних слоев, которая тоже получает определенные привилегии. Наконец сюда относятся также среднее чиновничество и работники сферы торговли, живущие на хроническом недостатке товаров, связанном с самой экономической организацией, и потому одобряющие существующую систему. Все эти разношерстные группы самым неожиданным и парадоксальным образом переходят одна в другую. В область формирования средних слоев вовлекается дополнительная масса людей посредством родственных, деловых, национальных связей. Все они также мечтают получить свой кусок пирога и стараются не пускать чужаков в свой мешанский рай. Из них формируется резервная армия бюрократии, готовая занять любое пустое место в иерархии.

Такова система господства, возникшая из коллективизации и террора сталинской поры. Она не имеет себе прямых прототипов в истории, хотя многие ее черты можно было наблюдать уже в Византии и на Древнем Востоке, в Золотой Орде и в царской России. Поэтому для современной марксистской мысли такой трудной и в то же время важной проблемой оказалось решение вопроса о ее сущности. Как определить новое общество, как его назвать, как установить его место в истории?

* * *

Режим, созданный в эпоху Сталина, сделался одной из крупнейших теоретических и практических проблем левого движения во всем мире, столкнувшегося, по удачной формулировке американского радикального журнала, с

”труднопонимаемым феноменом тоталитарного государства, использующего язык марксистского освобождения и возникшего из того, что, по мнению многих, было пролетарской революцией. Это повергло в глубокий кризис не только социалистическую мысль, но и составило серьезные моральные и аналитические трудности для любой разновидности серьезной политической мысли”.²³

Согласно официальной советской версии, наше государство есть воплощение ”реального социализма”, образец и модель

будущего развития всех народов мира. Конечно, никто не может запретить каждому государству и каждой партии называться так, как им больше нравится. Если бы животные умели говорить, мухи наверняка называли бы себя бабочками, а лягушки — волами. Таким образом можно разрешить массу практических проблем. Зачем перекрашивать забор, если его можно просто переименовать из зеленого в красный, зачем бороться против завоевателей, если их можно просто назвать освободителями. Однако, позволительно все же задать вопрос о том, насколько соответствуют слова понятиям, насколько близко применение того или иного термина его содержанию. Еще Ленин учил, что о политических партиях надо судить не по названиям, не по красивым вывескам, а по их реальной деятельности.

Официальная концепция, рассмотренная с этой точки зрения, выглядит, мягко говоря, не вполне убедительной. Если то, что мы имеем сейчас в СССР, назвать социализмом, то для общества, о котором мечтали Маркс и Ленин, надо подыскивать другое название. Свободная ассоциация производителей, являвшаяся для марксистов основой будущей социальной организации, никак не может сочетаться с политическим бесправием трудящихся в нашей стране и здесь никакие абстрактные рассуждения сталинистских идеологов, пытающихся ”согласовать” теорию с реальностью, не могут опровергнуть эмпирической очевидности, повседневного опыта миллионов людей. ...

У теоретической модели, насаждаемой в наших школах, есть еще один недостаток: как и всякая концепция, начисто оторванная от действительности, она ровным счетом ничего не объясняет. Она позволяет строить красивые идеологические конструкции, но как только дело доходит до конкретных фактов, начинаются трудности. Ведь официальная бюрократическая концепция социализма оказывается неприменима по отношению к Парижской Коммуне или к Российской Республике Советов в ее первые годы; даже Югославия, признанная после долгих колебаний дружественной и ”правильной” страной, никак не укладывается в прокрустово ложе этой теории. ...

В лице современного Советского Союза мы имеем не образец для всего прогрессивного человечества, а некий исключительный случай, возведенный в абсолют его теоретиками и навязываемый другим народам при помощи пушек, танков и дру-

гих таких же вполне убедительных аргументов. Исходить из подобных понятий о "социализме" могут лишь люди заведомо подкупленные или совершенно невежественные. Ведь, как верно заметил советский историк мидиавист А.Я. Гуревич,

"...теоретическая картина, 'модель', вырабатывается в науке не таким образом, что определенный частный случай по известным причинам возводится в общую норму, с которой затем, как с эталоном, сопоставляются все другие варианты; 'модель' конструируется как связанная система признаков, заимствованных подчас из разных реальных образований, принадлежащих к одной группе и потому движущихся по общим законам..."²⁴

Попытки объединить в одной теории все типы обществ, имеющих себя социалистическими, и найти их общие законы, пока неизбежно заканчивались провалом. Ведь "социалистической" назывались и Швеция, и Великобритания, и Египет, и Кампучия, и даже Индия. Советское начальство, увы, давно уже утратило монопольное право на демагогическую болтовню о социализме.

Это наводит на мысль о существовании известного числа "лжесоциализмов", каждый из которых претендует на право быть единственно истинным. Некритическое доверие к их лозунгам несовместимо с научной мыслью.

"Если же за общую 'модель' взят образец, — писал Гуревич, — представляющий по сути дела лишь частный случай, то такая теория из средства познания превращается в препятствие для адекватного уяснения существа общественных отношений, не соответствующих принятой теории"²⁵

* * *

Поэтому не удивительно, что ныне идею о том, что марксов социализм нашел в СССР свое идеальное воплощение, разделяют только апологеты бюрократии... да махровые реакционеры, стремящиеся скомпрометировать саму идею марксизма. Большинство серьезных специалистов по советской экономике, писал, например, А. Смолар в "Эспри", уверены,

"что представления Маркса имели лишь слабое влияние на государственную политику и на создавшуюся в 30-е годы хозяйственную систему".²⁶

Еще более разителен контраст между марксистской концепцией социалистической демократии и современной советской реальностью.

В международном левом движении ныне приобрела широкое распространение теория, согласно которой в СССР мы имеем некий "неполноценный" социализм. Эта концепция имеет два основных варианта — троцкистский и еврокоммунистический. Согласно первому из них, СССР является "деградировавшим рабочим государством". Эта формулировка звучит вполне убедительно с исторической точки зрения. Однако, говоря о происхождении новой системы, она ничего нам не сообщает о ее сути. Ведь "рабочее государство" (которое, впрочем, никогда и не было вполне "рабочим") "выродилось" более полувека назад и не стояло все эти годы на месте. Поэтому еврокоммунистическая модификация троцкистской концепции выглядит более современной. У ее представителей тоже есть свои различия. Так, согласно версии лидера испанских еврокоммунистов Сантьяго Каррильо, СССР находится где-то в промежутке между капитализмом и социализмом, от одного берега отойдя, а к другому не прибавившись. С точки зрения Ж. Элленштейна, изложенной в книге "Феномен сталинизма", многочисленных статьях и интервью, это система, представляющая эклектическое соединение социализма в экономике и деспотизма, догматизма в политике, ее базис совершенно не соответствует надстройке. Кстати, попытка объяснить советскую систему как некий чудовищный исторический эклектицизм была предпринята также и троцкистским лидером Э. Манделем. Возникает, тем не менее, простой вопрос: как система, несущая в себе такое явное противоречие, смогла отменно просуществовать не один десяток лет, избежав хоть каких-то серьезных перемен и реорганизаций? Элленштейн чувствует, что здесь может возникнуть сомнение, и ссылается на автономию политической сферы по отношению к экономике. Но вот тут-то он и впадает в явную ошибку. Автономия политики — явление свойственное прежде всего буржуазной демократии. В обществе, где вся социальная, политическая и экономическая

власть сосредоточена в одних и тех же руках (причем, в самом прямом смысле), говорить об "автономии" политической власти просто смешно. Власть над людьми и над вещами, политическое и экономическое господство в этой системе не просто взаимосвязаны, но и тождественны, они совпадают непосредственно. Бюрократия полностью командует в народном хозяйстве. Именно монолитность, а не эклектицизм является важной чертой системы. И если уж говорить о деспотизме, то в экономике мы его чувствуем ничуть не меньше, чем в политике.

Один английский коммунист предложил свое решение, заявив, что бюрократия, конечно, "управляет" обществом, но не "правит" им. Понять эту сложную лингвистическую конструкцию можно только в том смысле, что рабочий класс выступает в роли хозяина социалистического производства, а бюрократу доверил работу менеджера. Но это довольно странный хозяин, который позволяет своему служащему помыкать собою, грабить себя, командовать собой. Ведь бюрократы управляют не чем иным как самим рабочим классом! Кроме того, подобное противопоставление имело бы хоть какой-то смысл, если бы у рабочего класса были возможности влиять на деятельность бюрократии или контролировать ее. Таких возможностей у него нет. Правда, в Польше рабочие несколько раз заставляли правительство менять курс, но для этого понадобились общенациональные забастовки. Рабочий лишен всяких политических прав и не имеет даже возможности протестовать против своего бесправия, не становясь при этом государственным преступником. Попытка разрешить проблему бюрократической власти на вербальном уровне вряд ли заслуживала бы внимания, если бы не была опасным симптомом нового догматизма. Ведь абстрактное теоретизирование и игра словами всегда чреваты догматизмом.

У Эллэнштейна и близких к нему людей слово "социализм" уподобляется какой-то бездонной бочке — его можно наполнять любым содержанием, переворачивать так и сяк. Социализм может быть "хорошим", демократическим, а может быть бюрократическим, "плохим". Если Маркс верил, что социализм обязательно будет связан со свободой, так это из-за наивности и утопизма. Эллэнштейн уже чужд таких "иллюзий". Позволительно напомнить, однако, что как раз домарксовы утописты пытались вообразить себе авторитарный и недемократический соци-

ализм, а Маркс в этом вопросе решительно порвал с утопизмом. Если бы автор "Феномена сталинизма" внимательно перечитал "Анти-Дюринг", то он заметил бы, что позиция Энгельса совершенно однозначна. Полицейский социализм невозможен, или это будет уже не социализм. Ведь речь идет именно о *свободной ассоциации*, об *отмирающем* государстве, а не о чем-то прямо противоположном. Поэтому, сказав, что для них социализм это свобода, Эллэнштейн и его товарищи должны были бы сделать и единственно логичный вывод, что там, где нет свободы, нет и социализма.

Кое-кто из западных левых и некоторые представители подполья в СССР, сделав это заключение, попытались определить существующую систему как разновидность государственно-монополистического капитализма или абсолютный капитализм. Эту концепцию можно встретить у Ш. Беттельхайма и других специалистов, изучающих советское общество. Таково мнение некоторых современных троцкистов (вообще наследники "IV Интернационала" поражают наличием самых разнообразных точек зрения по любому вопросу).

Концепция "госкапитализма в СССР" обладает некоторыми достоинствами. Прежде всего она действительно отражает наличие ряда общих законов и тенденций в экономической системе СССР и индустриального Запада, прежде всего в США. Для примера можно привести рассуждение О. Шика о том, что в ходе своего развития бюрократическое планирование и капиталистический рынок во многом сближаются.

"Путь от монополистического рынка к абсолютной государственной монополии, подавляющей рынок, ведет от частичной к полной диктатуре производителя над потребителем".²⁷ ...

В Советском Союзе и в связанных с ним странах возник новый способ производства, имеющий ряд общих черт с государственно-монополистическим капитализмом, но и ряд серьезных отличий. Важнейшей чертой этого способа производства является концентрация собственности в руках деспотического государства. Многие из людей, отстаивающих мысль, что в СССР существует социализм, хоть и в неразвитой форме, исходят из того

факта, что все основные средства производства у нас в стране национализированы. Однако государственная собственность никогда не была тождественна социализму. Ф. Энгельс в "Анти-Дюринге" предупреждал против опасности подобной ошибки и писал о том, что само государство может выступить по отношению к трудящимся как коллективный эксплуататор. Вопрос в том, *какое* государство национализировало фабрики и заводы, и в том, *как* оно их национализировало. Еще во времена Ленина различали "национализацию" и "социализацию". Общественная собственность может оказаться тождественна государственной лишь в условиях, когда большинство общества имеет полный контроль над государством, а не наоборот. Кроме того, не может быть социализма без широкого участия самих трудящихся в управлении производством (иначе собственно "общественный контроль" будет весьма ограниченным). Поэтому лишь в условиях демократии национализация превращается в социализацию.

Государственную собственность на орудия и средства производства знали многие общества с древнейших времен. Под этой рубрикой можно объединить заводы "Рено" во Франции, угольные шахты в Великобритании, советские предприятия и императорские домены в каролингской империи. Царская Россия тоже знала "казенные" заводы и монополии. Но особое развитие государственная собственность имела в обществах Востока. Там под властью деспотического правительства находились важнейшие общественные работы, строительство оросительных каналов и т.д. Вся земля, главное тогда средство производства, и даже сами подданные были лишь собственностью властителя.

Именно эти черты восточной экономики заставили Маркса говорить об азиатском способе производства, противопоставляя его западным "моделям". Частная собственность на землю, сыгравшая огромную роль в становлении капитализма, у народов Востока вообще не развилась. Восток знал богатейшие торговые города задолго до Европы, но там не возникла буржуазия, не развились новые общественные отношения. Деспотический характер власти в этих странах, осуществление ею важнейших хозяйственных функций и наличие государственной монополии на главные средства производства — все это не случайные черты, а характерные особенности азиатского способа производ-

ства, общие для ряда стран.²⁸ Это застойная, крайне консервативная система, позволяющая, однако, осуществлять крупные "национальные проекты" (наподобие строительства пирамид или Великой Китайской Стены) без значительных технических и материальных средств. Поэтому такая организация не является изначально иррациональной, хотя она и теряет всякую "разумность" и "необходимость" при столкновении с более динамичной организацией Запада, и уже греко-персидские войны это доказали.

Такое государство не порождало развитой системы классов, но оно основывалось на фундаментальном антагонизме между правящими верхами (которые в советской историографии совершенно неверно именуют феодальными) и массой тружеников, эксплуатируемых этими верхами посредством государства. Подданные и сами представители верхов совершенно бессильны перед лицом вышестоящей власти, будь то местный сатрап или верховный владыка. Таким образом эксплуатация осуществлялась при помощи прямого господства над людьми, несмотря на отсутствие частной собственности. Вообще-то и раннее европейское средневековье еще не знало частной собственности в внешнем смысле, но там развитие шло в совершенно ином направлении...

Согласно этой теории, необходимость индустриализации в отсталой стране, где нет для этого ни собственных капиталов, ни других необходимых факторов, не может быть осуществлена слабой национальной буржуазией. Носителем этих объективно прогрессивных изменений в экономике оказывается государство, захватившее при помощи национализации и других средств полную власть над народным хозяйством. Модернизируя страну, государство одновременно делается как абсолютным собственником, так и совокупным эксплуататором. Все население в результате распадается на две "общности классового типа" — господствующую этакратическую и подавленную производящую. Хотя в возникшей системе и нет той жесткой и четкой социальной структуры, которая развилась на Западе, в ней существует объективный антагонизм между этими двумя "общностями", и этот антагонизм может быть разрешен путём классовой борьбы. Безусловно, так же и советская бюрократия может рассматриваться как этакратическая общность классового типа, имеющая

основные черты класса, хотя и не соответствующая его традиционному определению по всем параметрам.

Этакратический способ производства впервые развился именно в Советском Союзе, откуда был экспортирован в Восточную Европу, в Китай и в другие союзные страны. Более или менее самостоятельно он начал складываться и во многих государствах, встающих перед проблемой индустриализации и выбирающих некапиталистический путь. Как правило, этакратия выступает под флагом социализма, будь то "арабский", "африканский" или "марксистско-ленинский" социализм. Это помогает держать в подчинении массы и завоевывать симпатии мирового общественного мнения. Ничто не ценится ныне так высоко и не растрачивается так безответственно, как красивые слова. Лишь иногда этакратия использует религиозные лозунги, как это случилось в Иране. Но в любом случае ее задача состоит в проведении модернизации без демократизации производительных сил. Этакратия есть пародия на социализм и одновременно альтернатива социализму, она антинародна и враждебна всякой подлинной демократии. Отождествляя себя с социализмом, используя марксистскую или революционную терминологию, она компрометирует саму идею освобождения. ...

Поэтому смешными и бессодержательными кажутся бесконечные споры либеральных интеллигентов на тему "возможен ли демократический социализм?" Вопрос ставится изначально неверно. Иным кроме "демократического" социализм быть не может. Куда важнее было бы спросить, на каком основании многочисленные современные общества эксплуатируют слово "социализм" и есть ли среди них хоть одно, которое бы этого названия заслуживало. А если нет, то возможен ли социализм вообще?

Здесь, впрочем, мы сталкиваемся не с теоретическим, а с практическим вопросом. Возможность успешной перестройки общества можно доказать, лишь совершив ее.

Примечания

- 1 Тринадцатый съезд РКП (б). Протоколы. М., 1963, с. 155.
- 2 New Left Review, 1977, No. 105, p. 55.
- 3 Г.Г. Водолазов. От Чернышевского к Плеханову. М., МГУ, 1969, с. 145.
- 4 W. Leonhard. Was ist Kommunismus? Munchen, 1976, S. 38.
- 5 К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 271-272.
- 6 Там же, с. 271.
- 7 Revolution and class struggle. N.Y., 1978, p. 179.
- 8 J. Luiga. Politilised paevamured, I. Tartu, 1935, 19-20.
- 9 В.И. Ленин. ПСС, т. 45, с. 417.
- 10 Там же, с. 357.
- 11 New Left Review, 1976, No. 100, p. 151.
- 12 В.И. Ленин. ПСС, т. 45, с. 345.
- 13 New Left Review, 1977, No. 103, p. 62.
- 14 Энциклопедический словарь "Гранат", т. 40, с. 607.
- 15 Поскольку реальный интернационалист Ленин в эту схему не укладывался, было сделано все возможное, чтобы о нем забыли, он был заменен мифологическим персонажем ("дедушкой Лениным", "нашим Ильичем" и т.д. и т.п.). В этом смысле очень показателен факт, приводимый в книге В. Леонарда "Что такое коммунизм?" — 5 августа 1938 г., как раз в годовщину знаменитого покушения эсерки Каплан на жизнь Ленина было запрещено публиковать новые воспоминания об основателе большевистской партии. Фальсифицировались также фотоснимки, на которых Ленин беседовал не с тем, с кем следует.
- 16 E. Fischer, F. Marek. Was Lenin wirklich sagte. Wien-Munchen-Zurich, 1966, S. 166.
- 17 E. Fischer. Auf den Spuren der Wirklichkeit. Hamburg, 1968, S. 231.
- 18 H. Arendt. Elemente totaler Herrschaft Frankfurt a.M. 1958, S. 183.

- 19 Th. Adorno. Soziologische Schriften, Bd., I, S. 366.
- 20 Revolution and Class struggle, p. 186.
- 21 Le Monde, 4 mai 1980, p. XVI.
- 22 L'Esprit, 1976, fevr., No. 2, p.253.
- 23 Partisan Review, 1977, No. 2, p. 180.
- 24 А.Я. Гуревич. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, с. 13.
- 25 Там же.
- 26 L'Esprit, 1978, No. 7-8, p. 27.
- 27 O. Sik. Der dritte Weg. Hamburg, 1972, S. 209.
- 28 См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 496-497 – о коренном отличии европейского исторического развития от азиатского.

Зденек Млинарж

О ФАКТОРАХ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХ КРИЗИСЫ СИСТЕМ СОВЕТСКОГО ТИПА В 80-е ГОДЫ *

Я не намерен заниматься пророчествами относительно дальнейшего развития систем советского типа. Я остановлюсь только на общих чертах, характерных для тенденций, которые в своей основе обусловлены этой системой и которые вызывают и будут вызывать кризисы в странах, где советская система установилась. Я попытаюсь также ответить на конкретный вопрос: какими новыми, в прошлом еще не проявившимися последствиями, могут быть чреваты кризисы системы советского типа и попытки их преодоления в 80-е гг. Я постараюсь проанализировать этот вопрос на основе данных о внутрисистемном развитии системы советского типа и с учетом международных связей.

Тенденции, проявляющиеся в процессе преодоления кризиса социально-политических систем советского типа

Опыт показывает, что институты, возникшие в Советском Союзе в 30-е годы, не претерпели *качественных изменений*: по-прежнему существует полное слияние политической и экономической власти; люди по-прежнему зависят и в социальном смысле от политической власти; абсолютная власть по-прежнему сконцентрирована в руках центра коммунистической партии; по-прежнему отсутствует обратная связь между обществом и властью и по-прежнему действует механизм политического надзора, ограничения информации и контроля над умами людей.

---

* Отрывок из книги Zdeněk Mlýnář, *Krise v sovětských systémech 1953 - 1981 (Příspěvek k teoretické analýze)*, Index, Köln, 1983.